

Петрова М. И. История развития поселенческой структуры Кирьяжского (Курикийского) погоста с XIV века по 1721 год: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2023. 257 с.

Защищена 9 ноября 2023 г. в Институте российской истории РАН. Объявление на веб-странице диссертационного совета: <https://iriran.ru/node/3175> (21.12.2023).

[Текст диссертации](#)

[Автореферат](#)

Станислав Викторович Бельский, к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, оппонент:

Тема диссертационного исследования М. И. Петровой представляется несомненно значимой для отечественной исторической науки, поскольку изучение истории регионов Российской Федерации является одной из ее важнейших задач. Выбор Кирьяжского (Курикийского) погоста в качестве региона исследования не случаен. Эта территория, обладающая географически детерминированным единством, складывалась как административная единица на протяжении нескольких столетий. В итоге, как часто подчеркивалось во многих фундаментальных работах по истории и археологии Приладожья, она стала «ядром» Корельской земли средневекового Новгородского государства, территорией сложения и исходным районом расселения корелы — предков современных карел, что имеет важнейшее значение в этнической истории Северо-Запада России. Она сыграла заметную роль в бурных исторических событиях XIV–XVII вв. Многие из них, например, потрясения Смутного времени, происходили непосредственно в местах, изучению которых посвящено представленное диссертационное исследование.

Перманентное пограничное положение изучаемого региона, сохраняющееся и по настоящее время, обусловило его очевидную историческую специфику в сравнении с сопредельными территориями. Следовательно, возник особый, сложный корпус источников, проливающих свет на его историю, в частности, историю поселений и структуры расселения. Работа с ними составила существенную часть диссертации.

Работа состоит из введения; основной части, включающей три главы; заключения; списка литературы и источников; списка сокращений и условных обозначений; приложений, включающих 16 карт на исторической и современной геоподоснове и 27 таблиц.

Диссертационное исследование М. И. Петровой имеет своей целью анализ факторов формирования поселенческой структуры Кирьяжского погоста и стадий ее развития в изменявшихся политических и экономических условиях в хронологических рамках от XIV в. до Ништадтского мирного договора 1721 г. В разные периоды регион находился в составе Новгородской республики, Русского

централизованного государства, Шведского королевства и, наконец, Российской империи. Такой подход представляется вполне обоснованным и перспективным. Он позволяет проследить историю определенных мест поселений и, в итоге, всего региона в свете разных по происхождению и структуре источников. Иными словами, перед нами именно комплексное исследование.

Его **актуальность** обусловлена необходимостью обращения к истории одного из важных административно-территориальных округов, не раз менявшего название в зависимости от государственной принадлежности. Результаты позволяют воспроизвести модель формирования поселенческой структуры Кирьяжского погоста в историческом развитии.

Научная новизна исследования не вызывает сомнения. В отечественной историографии пока еще не ставилась задача комплексного изучения структуры поселений Кирьяжского погоста. Следует подчеркнуть, что монографического исследования по представленной теме для данного региона до настоящего времени не было создано.

Цели и задачи диссертации убедительны, четко сформулированы и имеют научную значимость.

Хронологические рамки исследования можно считать вполне обоснованными. Фактически, речь идет о двух опорных датах: Ореховецкий договор 1323 г., выбранный в качестве нижней хронологической границы, и Ништадтский договор 1721 г. в качестве верхней. **Методологическая основа** диссертации вполне адекватна поставленным задачам. В исследовании применялись сравнительно-исторический, статистический, картографический методы. Междисциплинарный подход применен при проведении комплексного анализа исторических источников с привлечением данных других дисциплин.

Несомненным достоинством работы является **источниковая база**, включающая тексты новгородских берестяных грамот, летописи, хроники, акты, комплексы приказного документирования, картографические материалы. Многие из этих памятников изучены, систематизированы и опубликованы в тематических сборниках, монографиях и отдельных статьях. В работе представлен подробный аналитический обзор источников из шести архивов Российской Федерации, Швеции и Финляндии. Создание единого корпуса исторических источников по Кирьяжскому погосту в выбранный хронологический период является важным и бесспорным достижением представленной работы.

Подробный **историографический обзор** убедительно показывает недостаточность изученности темы при обилии публикаций, так или иначе затрагивающих проблематику диссертационного исследования. Обзор охватывает полный спектр научной литературы и включает самые современные работы. Скрупулезный анализ историографии позволил автору поставить новые исследовательские задачи. Также особенно важным является введение в научный оборот данных из редких изданий на финском языке.

В первой главе представлена реконструкция водно-волоковых путей Кирьяжского погоста в локальной системе коммуникаций. На основе историко-географического анализа русских летописей и новгородских берестяных грамот проведена идентификация и локализация поселений Кирьяжского и Кюлолашского погостов в конце XIV в. Летописные известия и берестяные послания подтверждают важную роль данной территории в экономических отношениях с Новгородом.

Во второй главе представлены результаты реконструкции поселенческой структуры Кирьяжского погоста в XV–XVI вв. по владельческой принадлежности. Особое место уделено анализу владычного и монастырского землевладения конца XV в. В главе приводятся данные о православных церквях, монастырях, скитах и подворьях Кирьяжского погоста в XIV–XVI вв., показана значительная роль деревень в экономике монастырей Корельской земли: Спасского Валаамского, Богородицкого Коневского, Ивановского и Никольского из г. Корелы

В третьей главе анализируются особенности шведского периода правления в Корельском уезде (1580–1597 гг., 1611–1710 гг.) в контексте изменений административно-территориального деления и поселенческой структуры Кирьяжского погоста в условиях кардинальных политических, экономических, демографических, конфессиональных преобразований. Переходный период (1710–1721 гг.), проиллюстрирован примерами первых донационных землевладений, дарованных Петром I своим сподвижникам.

В заключении автор сформулировал основные выводы проведенного исследования. Они являются репрезентативными и убедительными. Автор приходит к заключению о том, что наиболее активное развитие поселений Кирьяжского погоста пришлось на Новгородский период. Позднее его приграничное положение отразилось в сложных демографических процессах и повлияло на этнический состав населения. В работе выявлены стабильные структурные элементы, составляющие сеть древних поселений в системе водно-волоковых путей. Реконструкция поселенческой структуры, развитой в новгородское время, позволила проследить дальнейшие изменения в сети поселений в течение четырех веков.

Особо важной представляется информация, приведенная автором в двух **приложениях** к тексту диссертационного исследования. В **Приложении 1** в серии иллюстраций наглядно представлена локализация поселений, упоминаемых в тексте. Большинство иллюстраций приведены на основе исторических карт XVII–XVIII вв. В серии таблиц в **Приложении 2** сведена текстовая информация о поселениях, упоминаемых в источниках разных периодов.

Значимость полученных автором диссертации результатов для науки вытекает из новизны проблематики и состоит в возможности использования материалов диссертации в дальнейшей научной разработке вопросов изучения поселенческой структуры соседних областей Карелии со сходными географическими, экономическими, политическими факторами развития.

Отмечая достоинства диссертационной работы, ее практическую значимость и научную новизну следует высказать отдельные замечания.

— Обосновывая хронологические рамки исследования, возможно, в комментарии или ссылке следовало бы упомянуть, что в историографии существует дискуссия о самом факте заключения Ореховецкого договора 1323 г. и, в особенности, локализации пограничной линии.

— Кроме того, уместным было бы упоминание, также в качестве комментария, о наличии еще одной группы исторических источников о данном регионе: скандинавских саг и хроник, записанных преимущественно в XIII–XIV вв. Конечно, сведения в этих документах относятся ко времени ранее хронологических рамок диссертации и не содержат сведений о конкретных поселениях. Но следует обратить внимание на один существенный аспект: в этих источниках упоминаются такие места, как «Кирьялаланд» (*Kirjalaland*) и «Кирьялаботнар» (*Kirjalabotnar*) и такое наименование неких людей, как «кирьяль» (*kirjalar*). До настоящего времени ведутся дискуссии о локализации упомянутых мест и о том, кто их населял. Существует весьма обоснованная точка зрения, что указанные названия следует рассматривать не только в «широком» значении — «земли» или «заливы» где-то на востоке Балтики, но и «узком» — Куркиёкский залив, в основании которого расположен Кирьяж — топоним, созвучный приведенным выше названиям, который дал имя Кирьяжскому (Куркиёкскому) погосту. Подчеркну, что именно в данном районе отмечена наиболее высокая в Карелии концентрация археологических памятников эпохи викингов — IX–XI вв. Имело смысл особо подчеркнуть, что изучаемая в диссертации система расселения и локальные группы поселений имеют весьма древние истоки.

— В разделе 1.1. Главы 1, который посвящен геоморфологической истории региона и археологии каменного века, выигрышно смотрелись бы ссылки на обобщающие современные исследования ученых естественно-научного профиля и, соответственно, археологов-специалистов по данному периоду. В целом, говоря о Ладожском озере, лучше было бы сослаться не только на монографию С. В. Калесника 1968 г.¹, но и на коллективную монографию «Ладожское озеро» 2013 г., подготовленную группой специалистов Института озероведения РАН².

— Предваряя раздел о Кирьяжском и Кюлолашском погостах в русских летописях (с. 57), автор, вслед за уже сложившейся историографией, использует не вполне удачную формулировку, в качестве утверждения говоря о том, что «в новгородских летописях с 1270 г. Корельская земля называется “воlostью новгородской”». Дело в том, что в летописных и иных источниках словосочетание «Корельская земля» ни в 1270 г. («В лето 6778...»), ни ранее не встречается. В данной записи речь идет о противостоянии «волости новгородской», то есть, в данном контексте новгородского ополчения и войска изгнанного из Новгорода князя

¹ Калесник С. В. Ладожское озеро. Л., 1968.

² Ладога / Под ред. В. А. Румянцев, С. А. Кондратьева. СПб., 2013. URL: <https://ladoga-lake.ru/pages/artcl-ladoga-ladoga-ran.php> (21.12.2023).

Ярослава Ярославича. *Карела* здесь — часть воинского контингента одной из противоборствующих сторон. Само же словосочетание «Корельская земля» появляется в лаконичной записи Новгородской I летописи об основании Выборга в 1293 г. («В лето 6801...») и далее уже в тексте Ореховецкого договора. В целом, появление и содержание термина «Корельская земля» в качестве определения некоей административно-территориальной единицы еще недостаточно изучено и требует дополнительного внимания.

— Представленным в Приложении 1 картам все же не хватает детализации: для читателя, не знакомого с местной географией региона (а таких большинство) непонятно, где находятся те или иные территории, которые показаны на фрагментах исторических карт XVII–XVIII вв. Было бы желательно дополнять каждую подобную иллюстрацию современной геоподосновой с указанием (рамкой, стрелкой) района, который указан на исторической карте.

— Среди представленных карт явно не хватает одной, на которой были бы показаны поселения, упоминаемые в средневековых источниках XIV в. Их анализу посвящена целый раздел диссертации, но какой-то иллюстрации к ней, к сожалению, нет. Кроме того, выигрышно смотрелась бы карта археологических находок XIII–XV вв., маркирующих места поселений, речь о которых идет в тексте.

Тем не менее данные замечания не умаляют общей ценности работы и могут рассматриваться как вопросы, требующие решения в дальнейших исследованиях.

Использование результатов и выводов диссертации применимо для ряда дисциплин: археологического изучения поселений; демографического исследования деревень и отдельных областей Карелии. Изучение истории развития поселенческой структуры Кирьяжского погоста может быть продолжено с расширением хронологических рамок исследования. Опубликованные соискателем научные статьи полно и адекватно отражают основные положения исследования. Текст автореферата соответствует тексту диссертации.

Материалы исследования могут быть использованы в научной работе, в учебном процессе: в преподавании общих и специальных курсов по Отечественной истории, истории Карелии. Полученные результаты имеют большое практическое значение и применимы при разработке государственных программ по охране и использованию историко-культурного наследия Карелии.

Таким образом, диссертация Марины Игоревны Петровой по теме «История развития поселенческой структуры Кирьяжского (Куркиёкского) погоста с XIV века по 1721 год», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история, соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п. 9, п. 11, п. 13, п. 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 20.03.2021). Диссертация отличается новизной в рассмотрении проблемы, представляет собой самостоятельное, оригинальное, законченное научное исследование. Научные результаты, полученные

соискателем, имеют существенное значение для исторической науки. Автор данного исследования Марина Игоревна Петрова заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история.

Адриан Александрович Селин, д. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, оппонент:

История сельского расселения раннего Нового времени — одна из самых сложных и соблазнительных для исследователя задач. Здесь очень важно овладеть правильным и современным исследовательским методом; умением точно ставить вопрос, найти соответствующие данному вопросу источники, отсеять «тоже интересные» источники, не относящиеся к делу и привести убедительные аргументы в пользу возможности синтеза выбранной источниковой базы. В труде М. И. Петровой, с которым мне довелось ознакомиться, все перечисленные элементы присутствовали.

Для исследования была выбрана динамика поселенческой структуры Кирьяжского погоста (Восточная Карелия, в конце XV — начале XVII в. — Водская пятина Новгородской земли, в XVII в. — Корельский лен Шведского королевства). Это достаточно компактная территория, заселенная смешанным в языковом отношении населением, менявшая свою политическую принадлежность и, соответственно, описанная в разных кадастровых культурах, представляется весьма интересным объектом исследования. М. И. Петрова рассматривает развитие сельского расселения здесь с XIV в. до Ништадтского мирного договора 1721 г. В результате М. И. Петрова предлагает действенную и важную для исследования других сходных регионов Восточной Балтики модель формирования поселенческой структуры раннего Нового времени.

Новизна исследования не вызывает сомнения. т. к. в историографии на русском языке еще не ставилась задача изучения структуры поселений Кирьяжского погоста, как одного из центральных погостов Корельской земли. Цели и задачи диссертации корректны, они четко сформулированы и имеют научную значимость. Хронологические рамки исследования можно считать вполне обоснованными. Методологическая основа работы вполне адекватна поставленным задачам.

Обращу внимание прежде всего на историографические очерки; как в обязательной формальной части исследования, так и во введении. М. И. Петрова весьма удачно справилась с данной частью; эта часть имеет самостоятельное значение и выходит за рамки узкой темы работы. Производит впечатление обширная источниковая база, привлеченная для написания текста диссертации (и умение М. И. Петровой с данной базой справиться). Использован архивный материал из шести архивохранилищ; обращу внимание и на весьма полезные ссылки на онлайн-архивы, также активно (и уместно) использованные в диссертации. Среди возможных путей совершенствования

источниковой базы отмечу, что, конечно, публикациями Д. Я. Самоквасова³ без дополнительной сверки с подлинниками пользоваться, вероятно, не стоит. На самом деле, это же касается и писцовой книги Дм. Китаева, к рукописи которой обращаются крайне мало, которая была издана в 1851 и 1868 гг. весьма неудачно (и, частично, под неверным названием). До конца неясно, чем «историко-географические» источники отличаются от «картографических»; кроме того, ссылка на книгу Олауса Магнуса дана только по аналитической публикации Е. А. Савельевой⁴ (а не по многочисленным ее публикациям, последняя — 2014 г.⁵).

Некоторое смущение вызывает повторяющееся в ней (и во всех тех главах основной части) термин «шведское владычество». Это словосочетание лишь примерно обозначает описываемое им явление (ср., для противопоставления периода до и после 1478 г.: «новгородское владычество» / «московское владычество» — для Карелии; это явно было бы неуместно). Данное словосочетание — явно просто дань традиционному (и устаревшему) способу историописания о Карелии.

Не вполне хороша и часть, где описана методология исследования. Увы, эта обязательная часть диссертационных текстов весьма часто представлена как набор схоластических концептов, хотя должна, уверен, базироваться на описании теоретических оптик — и для обсуждаемой диссертации это, скорее всего, была бы та самая микроистория, о которой М. И. Петрова довольно много и уместно пишет (но которой в своей работе не ограничивается). Уверен, что обозначение такой оптики вызвало бы у читателя работы больше понимания, чем слова об «общенаучных и специальных методах научного познания». Среди положений, выносимых на защиту некоторое сомнение у меня вызвала мысль о том, что в поселенческой структуре отражаются межэтнические связи. Не понимаю, как это.

В первой главе представлена реконструкция водно-волоковых путей Кирьяжского погоста в системе коммуникаций Корельской земли. Текст написан грамотно и интересно, хотя и не все бесспорно, а главное — не все понятно. Так, непонятно противопоставление (с. 59): «русский князь Константин Белозерский... литовский князь Лугвень» (оба князя описаны как кормленые новгородские князья, что совершенно верно и хорошо известно). Но в чем важность, кто русский, а кто литовский из этих князей? Ведь их функция в системе управления Новгородской землей скорее всего была идентичной. Также спорным является утверждение о строительстве крепости Орешек в 1323 г. (в этом году на Ореховом острове был заключен договор, а вот была ли там в этот момент крепость — уверенности в историографии нет). В целом же выводы первой главы рукописи — о преемственности археологически выявленных поселений и позднесредневековой (XIV–XV вв.) системы расселения — кажутся весьма убедительными.

³ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1905. Т. 1; 1909. Т. 2.

⁴ Савельева Е. А. Олаус Магнус и его История северных народов. / Отв. ред. И. П. Шаскольский. Л., 1983.

⁵ *Olaus Magnus. Historia om de Nordiska Folken. Hedemora, 2010.*

Во второй главе представлены результаты реконструкции поселенческой структуры Кирьяжского погоста в XV–XVI вв. Здесь динамика сельского расселения рассмотрена весьма подробно и качественно, с опорой на большую источниковую базу. Конечно, и здесь не со всеми утверждениями можно согласиться. Так, на с. 105, М. И. Петрова пишет, что «реформы местного самоуправления 1556 г., во время которых во всех пятинах Новгородской земли произошла замена наместников на “выборные головы”, привела к бегству тяглых людей с черных земель». Данное утверждение совсем не очевидно, несмотря на ссылку на мнение Д. Я. Самоквасова⁶, И. А. Черняковой⁷, А. Ю. Жукова⁸. Но именно ли реформа (да и реформа ли то была: ср. работы Г. П. Енина⁹) привела к бегству сельского населения? Или причиной была безумная опричная политика царя Ивана? Этот вопрос остается весьма дискуссионным. Также, на с. 112 утверждается, что «межами были отделены не только поземельные владения, но и волости, погосты, уезды, пятины», чему приводится ряд примеров. Но было ли это системой? Существовали ли действительные, общепризнанные внутренние границы сельских округов или они возникали только при необходимости проводить политическую границу? Мне этот вопрос кажется не разрешенным в историографии и аргументы М. И. Петровой не кажутся убедительными. Хотя в целом с выводами второй главы также можно согласиться.

В третьей главе анализируется проблема влияния особого периода политической истории Корельского уезда/лена (1580–1597 гг., 1611–1710 гг.) на изменение административно-территориального деления и поселенческой структуры Кирьяжского погоста. М. И. Петрова пишет о кардинальных политических, экономических, демографических, конфессиональных изменений в это время. Снова впечатляет большой объем источников, которыми автор рукописи весьма тонко оперирует. Сначала у меня вызвало смущение утверждение (с. 135–136) о том, что «первая попытка основания городов Салмис и Сордавала не привела к успеху из-за слабого контроля со стороны шведского правительства в годы Тридцатилетней войны» (как связано основание городов с контролем правительства?). Однако в дальнейшем этот, звучащий как весьма спорный, тезис раскрыт в исследовании личностного фактора в основании городов Салмис и Сордавала, где ключевую роль сыграли «начальник пограничной заставы Салмис Хенрик Бланкенхаген и фогт Кексгольмского лена Родион Лобанов». В целом третья глава также весьма убедительна и дает качественно новое знание: М. И. Петрова показывает, что донации русского царя Петра в годы Северной войны в Карелии целесообразно рассматривать в единой рамке, заданной еще шведской властью конца XVII в. — когда они формировали графства в Карельском лене.

⁶ Самоквасов Д. Я. Крепостное право древней России по новооткрытым документам // *Он же*. Архивный материал. Новооткрытые документы... Т. 2. С. 34.

⁷ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998.

⁸ Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск, 2013.

⁹ Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке: Содержание населением уезда государственного органа власти. СПб., 2000.

В заключении автор убедительно сформулировал основные выводы проведенного исследования на основе поставленных в начале исследования задач. С большинством сделанных выводов также вполне можно согласиться (не очень ясно только, зачем автор пишет об «этногенезе корель» — вообще непонятно, как оный этногенез изучать методами, предложенными в диссертации, да и нужно ли в рамках такого исследования поселений). Весьма важны при этом наблюдения в области динамики типов сельских поселений в зависимости от политической истории и истории землевладения в раннее Новое время.

Высказанные замечания не умаляют общей ценности работы и могут рассматриваться как вопросы, требующие решения в дальнейшем исследовании проблемы.